Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Память как единственный документ

24.11.2021.

Лауреат Литературной премии Яна Михальского 2021 года - из России © N. Sikorsky

Каждый год мы с нетерпением ждем объявления лауреата Литературной премии Яна Михальского, традиционно вручаемой в Монрише, потому что знаем – нас ждет открытие. В этом году нетерпение наше было особым с того момента, как выяснилось, что в престижное международное жюри вошла российская писательница Людмила Улицкая, а в списке кандидатов оказалось шесть книг, так или иначе связанных с Россией. «Как Вы видите, Россия и ее культура остаются в центре наших интересов», - подчеркнула Вера Михальски-Хоффманн, открывая церемонию. Все это радовало нас несказанно, но «болели» мы, признаемся, за вышедший в финал проект «Мемориала», и счастливы, что наши ожидания оправдались, ведь момент особый. Исторический. Как знают многие из вас, в эти дни, на основе иска Генеральной прокуратуры, в Москве Верховным судом России рассматривается вопрос о ликвидации международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», еще в 2013 году зачисленного в «иностранные агенты».

Вера Михальски-Хоффманн вручает Ирине Островской и Ирине Щербаковой книгу Фредерика Пажака о Марине Цветаевой © Nasha Gazeta

Организация, существующая уже 33 года и созданная при непосредственном участии лауреата Нобелевской премии мира академика Андрея Дмитриевича Сахарова, обвиняется в многочисленных противозаконных грехах, в основном, административных, но не возникает ни малейшего сомнения в том, что дело это чисто политическое – изначально созданный для содействия установке памятника жертвам политических репрессий, «Мемориал» давно стал рупором многочисленных униженных и оскорбленных среди наших современников. Очень жаль, что угроза, нависшая над «Мемориалом», не вызвала массовых демонстраций протеста – отреагировала лишь часть интеллигенции, в России и на Западе. Наиболее острой реакцией стало, пожалуй, решение писательницы Людмилы Петрушевской отказаться в знак протеста от звания лауреата Государственной премии, что чревато для нее быть обвиненной в оскорблении президента России. «У меня сейчас отбирают Мемориал, память об осужденных и расстрелянных, о брошенных под грузовик и умерших голодной смертью, о замороженных в грузовиках по пути от лагеря к лагерю, о замученных пытками на Лубянке и на Колыме, о забитых недавно на улицах, в вагонзаках и в мили-полиции. О сидящих в заключении по сфабрикованным, фальшивым делам. О тысячах таких заключенных, опасных для властей», - написала писательница на своей странице в Фейсбуке. Схожие по сути, но отличающиеся по эмоциональному накалу тексты опубликовали и другие уважаемые деятели науки и культуры. Но где же те тысячи «простых граждан», о чести и достоинстве которых, их самих и их близких, пеклись все эти годы сотрудники «Мемориала», по крупинкам восстанавливая нашу общую память, столь

склонную к амнезии?! Говорят, на почту «Мемориала» приходит много писем с поддержкой, жаль, что они нам не видны. 12 ноября отказаться от планов по ликвидации «Мемориала» потребовали от российских властей США и ЕС, на прошлой неделе аналогичную просьбу озвучила на встрече с министром иностранных дел Сергеев Лавровым председатель ОБСЕ Анн Линде. Результат рассмотрения иска Верховным судом должен быть объявлен завтра, 25 ноября, и крохотная надежда на успех еще остается. Крохотная. Но остается. А потому так важно и прекрасно, что за два дня до этого о «Мемориале» говорили в Швейцарии. Perfect, так сказать, timing.

ЗНАК НЕ СОТРЕТСЯ

Судьбы остарбайтеров в письмах, воспоминаниях и устных рассказах

Однако Премии Яна Михальского удостоилась не организация, а конкретная книга, и потому поговорим предметно о ней, искренне сожалея, что не все авторы смогли приехать в Швейцарию – часть осталась в Москве, готовиться к суду. Читая русскоязычный оригинал книги, мы испытывали те же эмоции – содрогание, ужас, подступающие слезы, что и в 2013 году, когда взяли в руки фолиант «Большой террор в СССР в 1937-1938 годах», вышедший в лозаннском издательстве Éditions Noir sur Blanc под редакцией польского фотографа и журналиста Томаша Кижни. (Интересно, что предисловие к этому впечатляющему изданию написал Арсений Рогинский, возглавлявший тогда «Мемориал», а несколько дней назад подпись Томаша Кижни появилась под открытым письмом в поддержку «Мемориала», опубликованным в польской Gazeta Wyborcza). Оба издания – документальные, не художественные, отчего представленная в них правда производит еще большее, совершенно ошеломляющее впечатление.

Начнем с небольшого лингвистического отступления.

Жители Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных российских городов, не задумываясь употребляющие словечко «гастарбайтер» для обозначения «понаехавших» в Россию рабочих из бывших союзных республик, чаще всего даже не подозревают о его происхождении, важном в контексте данной публикации. Гастарбайтер (нем. *Gastarbeiter*; дословно: гость-работник, по-русски - «приглашённый рабочий») - это термин, обозначающий иностранца, работающего по временному найму. Слово было заимствовано в 1970-х из немецкого языка и получило широкое распространение в конце 1990-х в СМИ на территории СНГ, начиная с Москвы и Санкт-Петербурга, а затем вошло в разговорную русскую речь. При этом в отличие от таких слов, как «гастроль» (выступление в гостях) или «гаст-профессор» (приглашённый для чтения курса в другой ВУЗ), также пришедших в русский из немецкого, слово «гастарбайтер» чаще всего имеет негативную, уничижительную или ироническую окраску. Действительно, поток мигрантов в СНГ не был вызван приглашениями, а стал результатом невозможности достойной жизни в родной стране, при этом сами гастарбайтеры считают применение к ним этого термина оскорбительным.

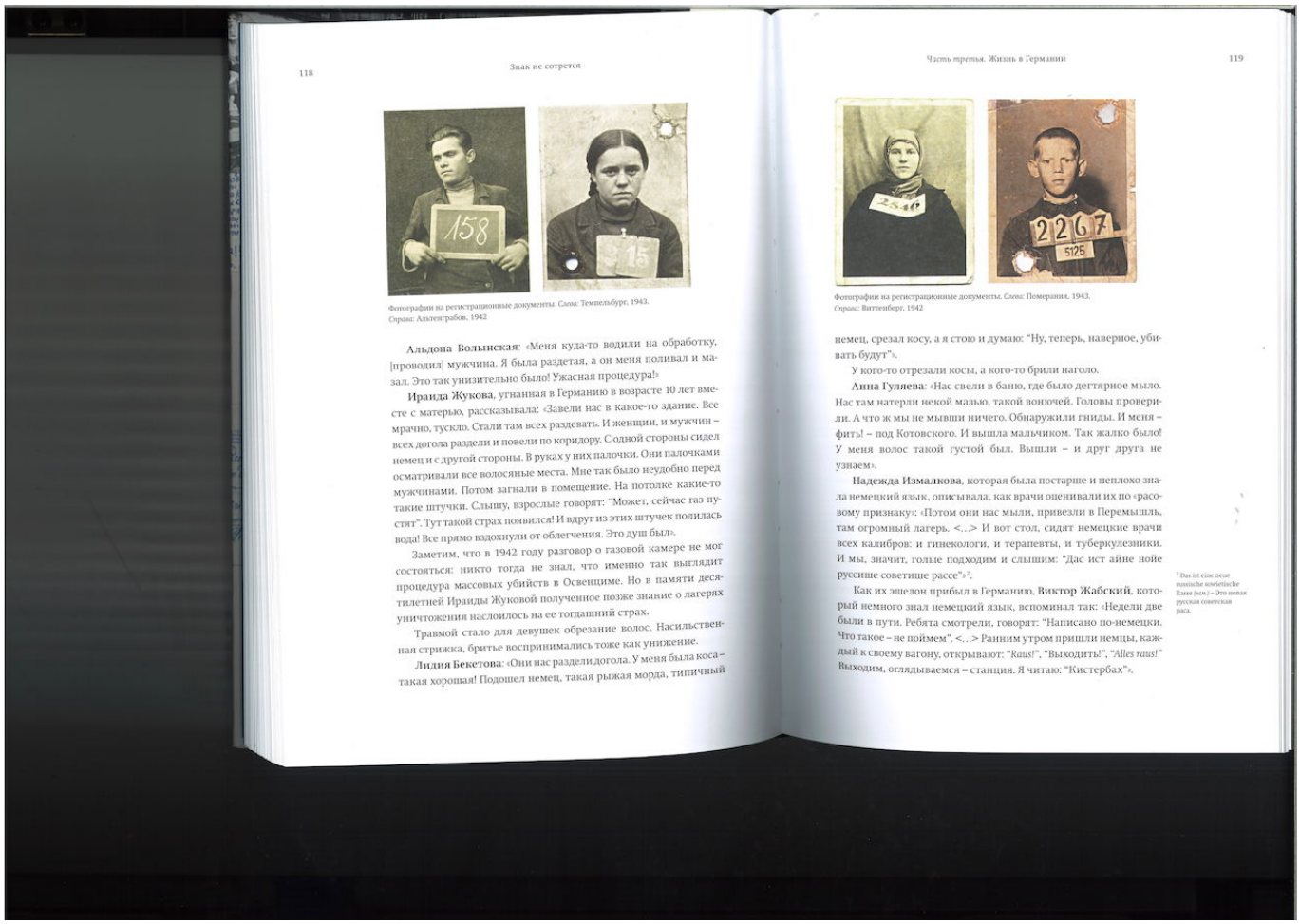
Людмила Улицкая представляет лауреатов © Nasha Gazeta

Думаем, абсолютное большинство пользователей этого словечка не догадываются, что термину «гастарбайтер» предшествовал термин «остарбайтер», обозначавший людей, отправленных во время Второй мировой войны в Третий Рейх из Восточной Европы на принудительные работы. 3,2 миллионам «остарбайтеров», угнанным в Германию и в большинстве своем вернувшимся в СССР с усеченными правами и запретом на собственную историю, и посвящен труд коллектива авторов – Алёны Козловой, Николая Михайлова, Ирины Островской и Ирины Щербаковой, которых чествовали вчера в Монрише. А знак, которому благодаря огромной проведенной ими исследовательской работе, не суждено уже стереться, – это обозначение «OST», которое должно были носить подневольные рабочие с востока, как евреи – желтую звезду или букву J.

Авторы не определяют свой труд ни как историческое исследование, ни как сборник архивных документов, а называют его «мозаикой», сложенной из самых разных источников: писем, почтовых открыток, документов, редких уцелевших дневников, но главное – устных рассказов выживших «остарбайтеров», для которых сохраненная память стала единственным документом. То, что включено в книгу, – лишь верхушка айсберга, ведь огромный массив коллективной памяти утерян безвозвратно.

Удивительно – впрочем, так ли удивительно? – что судьба этих людей взволновала прежде всего не их самих и не их родственников и потомков, и не российское руководство, но депутатов фракции «зеленых» германского Бундестага. С их легкой и, добавим, справедливой руки Германией были выплачены компенсации жертвам за

их рабский труд, а в России началась серьезная исследовательская работа, занявшая 25 лет.



118 Знак не сотрется

Фотографии на регистрационные документы. *Слева:* Темпельбург, 1943. *Справа:* Аллленграбов, 1942

Альдона Волынская: «Меня куда-то водили на обработку, [проводил] мужчина. Я была раздетая, а он меня поливал и мазал. Это так унизительно было! Ужасная процедура!»

Ираида Жукова, угнанная в Германию в возрасте 10 лет вместе с матерью, рассказывала: «Завели нас в какое-то здание. Все мрачно, тускло. Стали там всех раздевать. И женщин, и мужчин – всех догола раздели и повели по коридору. С одной стороны сидел немец и с другой стороны. В руках у них палочки. Они палочками осматривали все волосяные места. Мне так было неудобно перед мужчинами. Потом загнали в помещение. На потолке какие-то такие штучки. Слышу, взрослые говорят: "Может, сейчас газ пустят". Тут такой страх появился! И вдруг из этих штучек полилась вода! Все прямо вздохнули от облегчения. Это душ был».

Заметим, что в 1942 году разговор о газовой камере не мог состояться: никто тогда не знал, что именно так выглядит процедура массовых убийств в Освенциме. Но в памяти десятилетней Ираиды Жуковой полученное позже знание о лагерях уничтожения наслоилось на ее тогдашний страх.

Травмой стало для девушек обрезание волос. Насильственная стрижка, бритье воспринимались тоже как унижение.

Лидия Бекетова: «Они нас раздели догола. У меня была коса – такая хорошая! Подошел немец, такая рыжая морда, типичный

Часть третья. Жизнь в Германии 119

Фотографии на регистрационные документы. *Слева:* Померания, 1943. *Справа:* Виттенберг, 1942

немец, срезал косу, а я стою и думаю: "Ну, теперь, наверное, убивать будут"».

У кого-то отрезали косы, а кого-то брили наголо.

Анна Гуляева: «Нас свели в баню, где было дегтярное мыло. Нас там натерли некой мазью, такой вонючей. Головы проверили. А что ж мы не мывши ничего. Обнаружили гниды. И меня – фить! – под Котовского. И вышла мальчиком. Так жалко было! У меня волос такой густой был. Вышли – и друг друга не узнаем».

Надежда Измалкова, которая была постарше и неплохо знала немецкий язык, описывала, как врачи оценивали их по «расовому признаку»: «Потом они нас мыли, привезли в Перемышль, там огромный лагерь. <…> И вот стол, сидят немецкие врачи всех калибров: и гинекологи, и терапевты, и туберкулезники. И мы, значит, голые подходим и слышим: "Дас ист айне нойе руссише советише рассе"»[2].

Как их эшелон прибыл в Германию, **Виктор Жабский**, который немного знал немецкий язык, вспоминал так: «Недели две были в пути. Ребята смотрели, говорят: "Написано по-немецки. Что такое – не поймем". <…> Ранним утром пришли немцы, каждый к своему вагону, открывают: "*Raus!*", "Выходить!", "*Alles raus!*" Выходим, оглядываемся – станция. Я читаю: "Кистербах"».

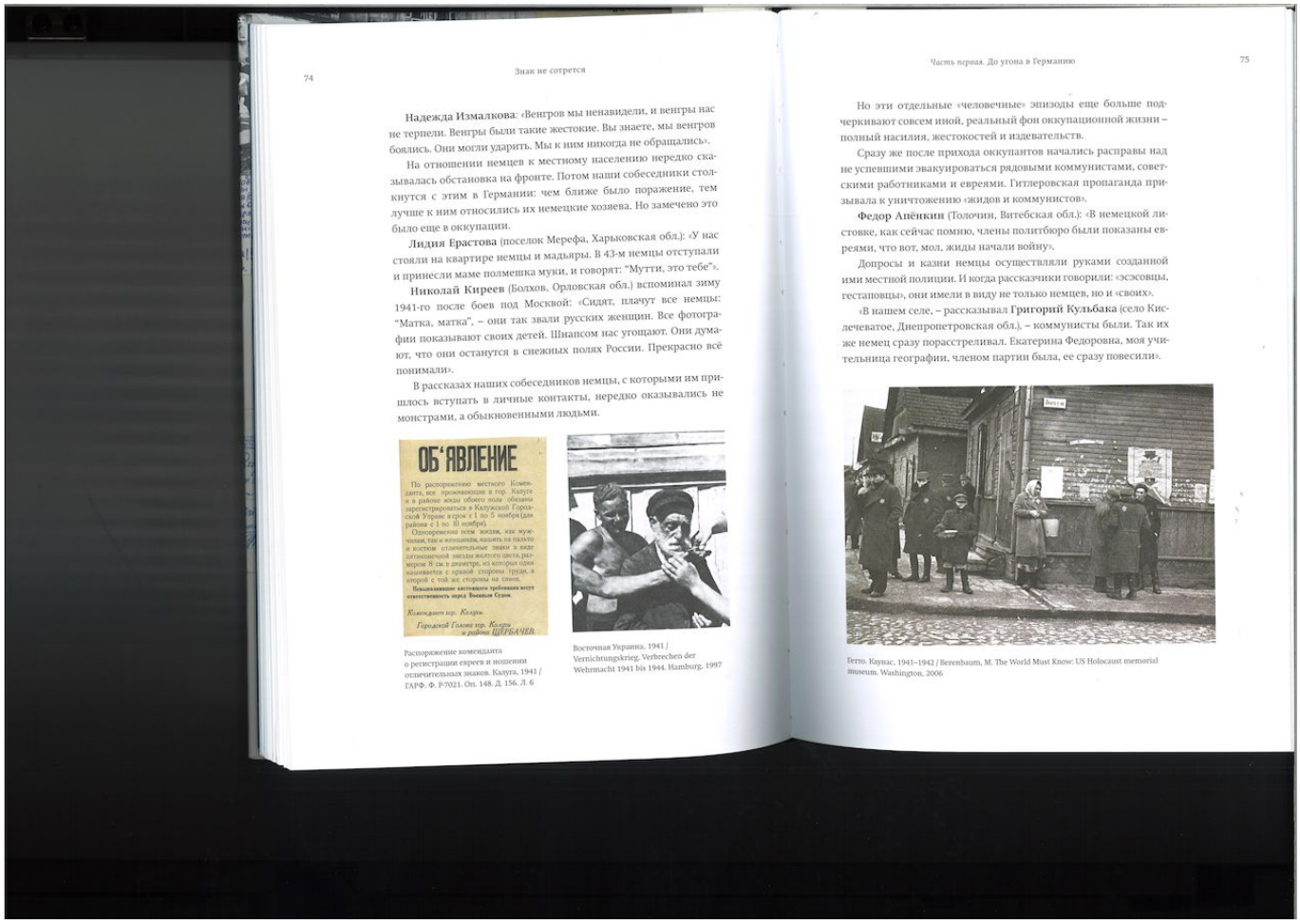
[2] Das ist eine neue russische sowjetische Rasse [нем.] – Это новая русская советская раса.

Страницы из книги © Nasha Gazeta

Ознакомление с книгой «Знак не сотрется» позволило нам не только совершить немало исторических открытий, но и получить конкретное подтверждение информации, когда-то краем уха услышанной, но как-то не оформившейся. При всем многообразии собранных свидетельств их объединяют некоторые общие факторы. Первый: коллективная судьба этих людей была просто-напросто вычеркнута из публичного пространства, и это несмотря на то, что уже на Нюрнбергском процессе массовое использование рабского труда стало важной частью обвинений, выдвинутых против руководства Третьего Рейха. Вернувшиеся на родину «восточные рабочие» имели статус репатриантов, День Победы на них, так сказать, не распространялся – они не признавались ни жертвами, ни участниками, ни ветеранами войны. Второй: всех этих людей объединяет чувство обиды за то, что их страдания, все пережитые ими лишения и издевательства не признаны на родине; что их подозревали в предательстве, и что часто им приходилось смиряться с заменой «этикетки» – с «русской свиньи» в Германии на «немецкую подстилку» дома. Третий: всех их объединяет не объясняемое логикой чувство вины – вины за то, что, будучи в большинстве своем малообразованными подростками, они дали себя угнать, как скот, в вагонах для скота, вины за то, что не погибли. И четвертый фактор: пронесенный сквозь всю жизнь страх. Перед всем.

Современного читателя не может не поражать проскальзывающая практически во всех свидетельствах покорность судьбе, принятие в качестве норм жизни довоенную нищету, голод в начале 1930-х и террор в их конце, социальную несправедливость в

целом и конкретные случаи крайней жестокости людей в отношении себе подобных, жестокости, которую можно без преувеличения назвать зверством. И при этом – практически единогласная вера в праведность советского строя и стремление вытеснить из памяти весь негатив.



74

Знак не сотрется

Надежда Измалкова: «Венгров мы ненавидели, и венгры нас не терпели. Венгры были такие жестокие. Вы знаете, мы венгров боялись. Они могли ударить. Мы к ним никогда не обращались».

На отношении немцев к местному населению нередко сказывалась обстановка на фронте. Потом наши собеседники столкнутся с этим в Германии: чем ближе было поражение, тем лучше к ним относились их немецкие хозяева. Но замечено это было еще в оккупации.

Лидия Ерастова (поселок Мерефа, Харьковская обл.): «У нас стояли на квартире немцы и мадьяры. В 43-м немцы отступали и принесли маме полмешка муки, и говорят: "Мутти, это тебе"».

Николай Киреев (Болхов, Орловская обл.) вспоминал зиму 1941-го после боев под Москвой: «Сидят, плачут все немцы: "Матка, матка", – они так звали русских женщин. Все фотографии показывают своих детей. Шнапсом нас угощают. Они думают, что они останутся в снежных полях России. Прекрасно всё понимали».

В рассказах наших собеседников немцы, с которыми им пришлось вступать в личные контакты, нередко оказывались не монстрами, а обыкновенными людьми.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

По распоряжению местного Коменданта, все проживающие в гор. Калуге и в районе жиды обоего пола обязаны зарегистрироваться в Калужской Городской Управе в срок с 1 по 5 ноября (для района с 1 по 10 ноября).

Одновременно всем жидам, как мужчинам, так и женщинам, нашить на пальто и костюм отличительные знаки в виде латинской звезды желтого цвета, размером 8 см. в диаметре, из которых один нашивается с правой стороны груди, а второй с той же стороны на спине.

Невыполнившие настоящего требования несут ответственность перед Военным Судом.

Комендант гор. Калуги.

Городской Голова гор. Калуги и района ЩЕРБАЧЕВ.

Распоряжение коменданта о регистрации евреев и ношении отличительных знаков. Калуга, 1941 / ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 156. Л. 6

Восточная Украина, 1941 / Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1997

Часть первая. До угона в Германию

75

Но эти отдельные «человечные» эпизоды еще больше подчеркивают совсем иной, реальный фон оккупационной жизни – полный насилия, жестокостей и издевательств.

Сразу же после прихода оккупантов начались расправы над не успевшими эвакуироваться рядовыми коммунистами, советскими работниками и евреями. Гитлеровская пропаганда призывала к уничтожению «жидов и коммунистов».

Федор Апёнкин (Толочин, Витебская обл.): «В немецкой листовке, как сейчас помню, члены политбюро были показаны евреями, что вот, мол, жиды начали войну».

Допросы и казни немцы осуществляли руками созданной ими местной полиции. И когда рассказчики говорили: «эсэсовцы, гестаповцы», они имели в виду не только немцев, но и «своих».

«В нашем селе, – рассказывал **Григорий Кульбака** (село Кислечеватое, Днепропетровская обл.), – коммунисты были. Так их же немец сразу порасстреливал. Екатерина Федоровна, моя учительница географии, членом партии была, ее сразу повесили».

Гетто. Каунас, 1941–1942 / Berenbaum, M. The World Must Know: US Holocaust memorial museum. Washington, 2006

Страницы из книги © Nasha Gazeta

«Сегодня судьбы этих людей снова (также как и других жертв войны – военнопленных, узников концлагерей, военных инвалидов) плохо вписываются в официальную картину войны, из которой снова вытесняется трагическое, сложное, противоречивое, а история «восточных рабочих» не вписывается в глянцевую и упрощенную победную картину. Задача этой книги и состояла в том, чтобы напомнить об этих людях, по сути ставших жертвами двух диктатур, об их судьбе и их памяти», - сказала вчера в Фонде Яна Михальского Ирина Щербакова, выступая от коллектива авторов. Лучше и не скажешь.

Надо понимать, что на оккупированных территориях оказались в основном люди, которых не успели или не сочли нужным эвакуировать. Их было порядка 60 миллионов человек. Среди них встречались разные: и те, кто наивно полагал, что война не продлится дольше нескольких месяцев, и те, кто отрыто радовался немцам и встречал их хлебом-солью, и те, кто просто полагался на столь понятное нам всем «авось». Были те, кто, воспользовавшись случаем, сводил счеты с соседями и давал волю самым низменным своим инстинктам, например, врожденному антисемитизму, подхлестываемому фашистской пропагандой. Были сволочи среди «своих» и были нормальные люди среди немцев, и об этом правдиво говорится в книге, хотя трудно не сделать вывод, что исключения лишь подтверждали правила.

Невозможно без слез читать о том, как маленьких детей «врагов народа» кормили в специализированном детском доме супом, в котором плавали мухи; об унижении сына арестованного на пионерской линейке, после чего мальчик хотел утопиться; о том, как, спасаясь от голода, дети сеткой собирали креветок и крабов, облепивших человеческие трупы, скопившиеся на берегу моря … Как невозможно без слез читать воспоминания женщины, которую в 11 лет забрали в детский дом – ей разрешили взять с собой только личные носильные вещи, а она прихватила еще и однотомники Чехова и Пушкина…

Публика в Фонде Яна Михальского сидела в оцепенении, когда Ирина Островская и Ирина Щербакова читали отрывки из книги, а когда вокальный ансамбль из Лозанны пел, по-русски, «Три духовных хора» Альфреда Шнитке и «Богородице, дево, радуйся» из «Всенощного бдения» Сергея Рахманинова, у многих на глазах выступили слезы.

Вокальный ансамбль из Лозанны прекрасно пел по-русски © Nasha Gazeta

«Знак не сотрется» - страшная книга, но прочитать ее нужно. Зачем? Спросят некоторые. Зачем ворошить это неаппетитное прошлое? С одной единственной целью – чтобы оно не повторилось. Жюри Премии Яна Михальского оценило «неустанную работу по восстановлению исторической правды, ведомую неправительственной организацией Международный Мемориал, которая благодаря этому документальному повествованию о судьбах миллионов остарбайтеров выполнила сложную задачу сохранения их устного наследия от уничтожения и искажения. Обеспечив письменный след голосу гражданского общества в контексте,

когда история переписывается в угоду политическим целям, книга «ОСТ» представляет собой коллективную память, важную для будущего нашего общества». Спасибо за это признание.

Source URL: *http://rusaccent.ch/blogpost/pamyat-kak-edinstvennyy-dokument*